

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена рассмотрению в сравнительно-историческом аспекте двух структурных уровней лезгинских языков — морфологии и синтаксиса. Естественно, исследование каждого из них обладает определенной автономностью, поскольку характеризуется как спецификой самого материала, так и методов его изучения. Однако нельзя отрицать и значительную обусловленность принимаемых решений по целому ряду вопросов исторической морфологии и синтаксиса от разработки исторической фонетики и лексикологии. Соответственно автор рассматривает свою работу как составную часть более обширного труда, объединяющего, помимо представленных в монографии глав "Морфология" и "Синтаксис", сравнительное исследование фонетики и лексики лезгинских языков.

Во введении рассматриваются не только вопросы морфологического и синтаксического характера, но и весь круг проблем, связанных с лезгинской компаративистикой, в том числе и вопросы классификации лезгинских языков. Такая зависимость сопряжена с необходимостью обоснования большинства предлагаемых в работе реконструкций с точки зрения исторической фонетики. Между тем специальное исследование вопросов, входящих в сферу последней, не являлось задачей настоящей монографии: предлагаемая здесь концепция целиком строится на соответствующей разработке из уже существующих¹. Однако подробное обоснование такого рода заметно отвлекло бы от непосредственного предмета исследования, в связи с чем необходимо сделать следующую оговорку: аргументация правомерности того или иного сопоставления с точки зрения исторической фонетики, равно как и библиографические комментарии, дается в работе лишь в наиболее нестривальных случаях.

За основу используемой в настоящей работе транскрипции принята стандартная лезгиноведческая транскрипция (см. Талибов 1980 и др.) с рядом дополнений и изменений:

1) непридыхательные, или преруптивы (*ñ*, *m̃*, *č* и др.), и геминаты (сильные), т.е. *čI*, *čI*, *š*, *š* и др., а также долгие гласные (*ā*, *ū*, *ī* и т.п.) обозначаются чертой над буквой;

2) фарингализованные гласные, а также увулярные и ларингальные согласные (*kəI*, *xəI*, *kəI*, *k̆I*, *gəI* и др.) обозначаются добавлением знака *I* справа;

¹ Пользуясь случаем, приношу благодарность к.ф.н. С.А. Старостину, с которым неоднократно обсуждались все словарные сопоставления, представленные в монографии. Ему же принадлежит реконструкция их фонетического облика.

3) твердые шипящие удинского языка обозначаются добавлением знака ь справа (джъ, чъ, жъ и др.);

4) правым подстрочным знаком, обозначается палатализация;

5) обозначение некоторых специфических звуков: латералы: *дл* (звонкая), *лI* (глухая), *лъI* (абруптивная) — аффрикаты; *лъ* (звонкий), *лъ* (глухой) — спиранты; фарингальные согласные агульского языка: *ɟ* (звонкий), *ɣ* (глухой); эмфатические ларингалы: *ʔ* — смычный, *ʔI* — звонкий и *ɣʔ* (глухой) — спиранты; велярный звонкий спирант *ʝ*; гортанная смычка *ʕ*; гласный среднего ряда среднего подъема *ə*;

6) в транскрипции не отражены различия в произношении, не противопоставленные фонологически в одном и том же языке: а) геминаты (в табасаранском, агульском, цахурском и аффрикаты и спиранты в арчинском) и преруптивы (в лезгинском, смычные в арчинском); б) лабиализованные и дентолабиализованные (шипящие в табасаранском); в) лабиолабиальный и лабиодентальный (позиционно) *ɸ*; г) непридыхательный глухой и звонкий *кь*;

7) принята трактовка удинских смычных как непридыхательных, т.е. преруптивов (см. Талибов 1974).